

ГОД ИЗДАНИЯ XIII
№ 22 (577)

ВОСКРЕСЕНЬЕ
2 ИЮНЯ 1957

ГОЛОС РОССИЙСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
ВЫХОДИТ ЗА РУБЕЖОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Jahrg. 13 · Nr 22 (577)

Russische Wochenzeitung · POSSEV-Die Aussaat · Frankfurt M., Merianstr. 24 a

Sonntag 2. 6. 1957

Вопрос не в «стилягах» — дело гораздо серьезнее...

Писатель Кассиль о «нигилистах, выползающих на любой диспут»

Писатель Лев Кассиль в статье «Молодые и «размороженные», напечатанной в «Литературной газете» от 25 мая с. г. смелее, чем это было до сих пор в партийной печати, идет в обрисовке «нездоровых» настроений молодежи и характеристике юных «критиканов» и «нигилистов».

«Дело обстоит гораздо серьезнее, чем это изображается в популярных фельетонах о «стилягах» и «плесени» — заявляет он.

Описывая (и при этом безбожно фальшивая) тех, кто «ничего святого не признает в жизни», молодых людей, «то глубокомысленно серьезничающих, когда вокруг них веселятся, то на всё поплеывающих, когда рядом волнуются», Л. Кассиль признает:

«На них не обязательно сверхдлинные пиджаки и ультракороткие брюки. Одежды они скромно, и никаких особых излишеств по части причесок не наблюдается, словом, вид, располагающий к доверию. Больше того, они сами обычно презирают стилист и не прочь отпустить едкую шуточку в их адрес. Они стараются не лезть на глаза, предпочитая, так сказать, растворяться в массе и подзуживать исподтишка».

Не сводится, по утверждению Л. Кассиля, вопрос и к «бездельникам», выращенным в семьях, отцы которых занимают видные общественные посты. «Ведь таких — ничтожное меньшинство» — справедливо замечает писатель.

Л. Кассиль уклоняется от того, чтобы дать обрисовку «нездоровых» настроений и их носителей среди молодежи в социально-политическом плане. Но важно уже то, что он говорит о масштабе этих настроений. А социально-политический аспект этих настроений хорошо виден из приводимых самим же писателем примеров.

... Вечер 7 ноября. Грохот оружейного залпа. Салют!.. «В эту минуту сквозь толпу бесцеремонно протискивалось несколько развязных подростков. Один из них, в широкой кепке, похожей на пузырь со льдом, схватился за уши и, посмотрев на небо, утомленно вздохнул:

— О-о!.. Опять!.. Сколько раз можно? (Подчеркнуто здесь и ниже нами. — Ред.)

Другой пример.

«Пригласят тебя, скажем, на школьный диспут, где комсомольцы решили поговорить о том, что такое счастье. Поднимаются на трибуну девушки, юноши, волнуются, говорят кто как умеет, полемизируют с другими ораторами. А из дальнего, погруженного в полутьму уголка зала нет-нет да и раздастся в ответ на взволнованные, искренние слова оратора:

— Дошло?.. Патриотизм! — Вот именно так, нарочно: «Патриотизм».

И сейчас же кто-то там, хоронящийся за чужими спинами, бросит в тон:

— Бурные овации, все встают!..»

«Внешняя бравада — замечает в связи с этим автор — способна обмануть юносов, которым подобные хлыщи покажутся, чего доброго, «независимо мыслящими личностями».

«Есть и совсем иные, быть может, еще более опасные разновидности» — копает Кассиль глубже. И описывает один свой разговор с одним молодым рабочим, который повидимому весьма ожесточен тем, что ему закрыли путь в высшее учебное заведение, и которому стало на

все наплевать. Он уже не хочет учиться: «Учиться пойти — садись на стипендию, в самом лучшем разе — три сотни. Это при успеваемости. А кончишь на инженера — запятят в начальники». В коммунистические начальники молодежь идти уже не хочет...

Л. Кассиль приводит выдержку из письма читателя Т. из Мелитополя:

«Меня очень волнует вопрос о воспитании молодежи. Вот небольшие примеры из жизни нашего города. Проходит политинформация в техническом училище... Говорит руководитель об итогах строительства и развитии нашей страны за 1956 год... Это — волнующие итоги, говорящие о великом героическом подвиге нашего народа. И тут же слышится реплика: «А что мы от этого будем иметь?..» И эта шкурническая реплика — сокрушается «читатель» — не встретила должного отпора комсомольцев».

Другой корреспондент Л. Кассиля — учительница В. из Ставрополя пишет, что она провела в нескольких десятках классах сельских средних школ инспекторское сочинение: «Что я знаю о деятельности колхозов нашего района». Результат: «Ряд учащихся подал чистые листки: после десяти лет обучения в сельской школе им нечего сказать о родной стороне, о ее людях, хотя в последнем награждении район занимает одно из первых мест. Были и такие, которые заявляли: «Меня никогда не интересовали успехи колхоза».

Л. Кассиль еще долго распространяется насчет «доморощенных нигилистов», которые так жадно выползают на любой диспут, где можно пофорсить фрондой, прерывая оратора нахальными репликами с места» о тех, кто «натягивает утарную муть, за завесой которой могут твориться дела, не терпящие яркого света...»

Автор пишет, что такую молодежь в стране зовут «нибони́чо», и расшифровывает: не признают ни Бога, ни чорта. Приводит даже стишки, которые будто бы сочинили в одном из институтов — стишки о «нибони́чо»:

«Пусть земля гудит, несется как волчок... Нам-то, нам-то что за дело, чудачок?» Все таким, как он, на свете ни почем, Потому что он — «нибони́чо».

Похоже на то, что «нибони́чо» выдумал сам Кассиль. Но если выдуманно молодежью, то очень неплохо — хотя бы потому, что у молодежи, годами развращаемой коммунистической властью, для которой действительно ведь ни Бога, ни чорта нет, существует понятие и о Боге и о чорте. Следовательно она может хорошо разбираться в подлинном «чорте» — коммунистическом режиме...

Л. Кассиль пытается проанализировать причины роста среди молодежи «отрицательных» явлений, среди которых на первое место ставит то, что «немало молодых душ выстудила или опа-

лила война». С этим можно согласиться. С войной, как известно, у нашего народа были связаны надежды на далеко идущие изменения жизни и порядков в стране, надежды, которые были грубо растоптаны Сталиным и его подручными после войны. И когда Кассиль говорит, что «все то неизбежно жестокое, кровавое, без чего не обходится война, не могло не сказаться в какой-то мере и на духовной жизни молодежи» — то мы это в указанном смысле и понимаем.

Дальше Л. Кассиль говорит о «вреде, который был нанесен различным областям жизни советского общества обожествлением одного непререкаемого авторитета». Можно согласиться и с этим. Но задавал ли себе Кассиль вопрос: снята ли теперь эта причина? Культ Ленина — разве это не то же «обожевание одного непререкаемого авторитета»? Подавление малейшей попытки критики «коллективного руководства» — не ассоциируется ли это у молодежи с тем же «обожеванием одного непререкаемого авторитета»?

«Важно указать про то, — приступает к главному Л. Кассиль, — что еще сегодня эпохою порождает условия, при которых осыпают сердца и проявляются настроения, характерные для всех этих «нибони́чо».

Но он увидел только то, что «нужно говорить... о поспешных отгульных общениях, которые позволяли себе делать некоторые воспитатели, охватываемые неумным ражем охаивания целого периода в истории нашей страны под флагом разоблачения культа личности. Это больно травмировало молодые впечатлительные души. И порой известный холодок заползал в них...» Что же, Кассиль: назад к Сталину?

Да еще он увидел беду в скуке на молодежных собраниях. И вспомнил прошлое, которое есть и настоящее:

«Придешь, бывало, на какое-нибудь

собрание в клуб рабочей молодежи, а там, по грудь прикрывшись трибуной, как фартуком, упершись взором в бумажку, бубнит присланный по путевке докладчик. И ведь с этим уже начинали мириться! Так все заранее и знали, что в начале вечера придется поскучать, уж ничего не поделаешь — обычай. Так приучали считать «скучным разговором» речь о самых дорогих и священных понятиях, о делах, ради которых мы с вами живем на свете!»

Но скука всегда была и будет там, где нет искренности, откровенности. Что же изменилось в этом плане с времен описанного Кассилем собрания? Он же сам, ратуя за то, что молодежи «надо доверять, чутко прислушиваясь, веря в справедливость многих здоровых требований и честных устремлений юности», в то же время встает с хлыстом над молодежью, предлагая «не мириться с явными заскоками». А «заскоком» у молодежи (и не только у молодежи) партия считает все, что хоть в какой-нибудь мере направлено на свободу индивида, на освобождение от давящих пут казенной идеологии... «Скучный разговор» будет всегда, пока будет существовать античеловеческий коммунистический режим, давящий все живое, утверждающий всё мертвое... Вот и сам Кассиль в конце своей статьи завел «скучный разговор»:

«Я не боюсь, — написал он, оглянувшись на ЦК КПСС, — что кто-то из зарубежных переселенников и ловцов дурных сенсаций, выхватив и обкорнав какие-то места из этой статьи, подтасует их к колоде своих крапленых мыслей. Что ж, эха гудят — в горы не поднимаются. А друзья услышат и поймут, как надо».

Чего уж тут выхватывать и обкарывать — ведь ничего другого-то и нет в вашей статье, Кассиль, если вы сами внимательно ее прочтаете. Ваша предостерегающая фраза, что «все это никак не является типичным для нашей молодежи»? В утешение вам приводим и ее, как горестное свидетельство того, насколько скучна писательская обязанность у нас на родине...

После писательского пленума «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» КЛЕЙМИТ «МОЛЧАЛЬНИКОВ» И «РЕВИЗИОНИСТОВ»

Передовая «Литературной газеты» от 25 мая посвящена итогам пленума. Говоря о предшествовавших пленуму собраниях в Москве, газета пишет: «Некоторые литераторы пытались создать впечатление, что за ними идут писательские массы. Они пытались представить как новое слово в нашей литературе роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказ А. Яшина «Рычаги» и другие, подобные этим, произведения, искаженно отображающие советскую действительность».

«Естественно — продолжает передовая — было желание участников третьего пленума услышать от т. т. Э. Казакевича, М. Алигер, В. Каверина, В. Рудного

разъяснения их литературно-политических позиций... Но этого никто не дождался. Шумевшие на протяжении целого года в Москве литераторы, главным образом группирующиеся вокруг «сборника «Литературная Москва», предпочли на пленуме отмалчиваться. Тем самым они саморазоблачились, как представители совсем небольшой (? — Ред.), несмотря на большую шумливость, и, по существу, изолированной (? — Ред.) от писательской общественности, замкнутой группочки, стоящей на позициях нигилизма и ревизионизма (подчеркнуто нами. — Ред.)

Страшась признать факт идейно-политического размежевания писательских сил, ЦК КПСС дал указание своей кратуре в Союзе писателей изображать независимых писателей как «замкнутую группочку».

Газета призывает к «консолидации творческих сил на основе партийной принципиальности» и утверждает, что «только партийная принципиальность обеспечивает единство сил советской литературы». Но такое единство может быть только единством, достигнутым при помощи кнута.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

А. Светов. На новом этапе. — Л. Федоров. Прожекты Хрущева. — Е. Андреевич. Судьбы «великой ломки». — Н. Тарасова. Подвиг молчания. — И. Курский. Человечный роман. — А. Колин. Эмиграция и народно-освободительная борьба. — Лев Марков. Заметки участника Конгресса. — А. Н. Несломленная Венгрия.